

ГЕННАДИЙ МИХАСЕНКО

ГЛАДИАТОР
ДЕД СЕРГЕЙ

ПОВЕСТИ

Иркутск Восточно-Сибирское книжное издательство 1983

P2
M 69

Печатается по изданию: Михасенко Г. П. «В союзе с Аристотелем», М., Детская литература, 1965. «Пятая четверть», М., Молодая гвардия, 1970.

Михасенко Г. П.
М 69 Гладиатор дед Сергей. Повести.— Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1983.— 384 с., ил.— 80 к.

В книгу известного детского писателя Г. П. Михасенко вошли ранние повести «В союзе с Аристотелем» и «Пятая четверть», где автор пишет о неугомонном, беспокойном, веселом племени советских школьников. Основные проблемы — товарищество, коллективизм, непримиримость с мещанством, тунеядством и др. Впервые публикуется рассказ «Гладиатор дед Сергей», основной мыслью которого является горячее желание автора пробудить в молодом поколении ответственность за свои поступки, за сохранение природы и окружающего мира.

М $\frac{70803 - 17}{M141 (03)}$ 41 83

480300000 P2

© Восточно-Сибирское книжное издательство, 1983

В СОЮЗЕ С АРИСТОТЕЛЕМ

ПОВЕСТЬ

Брату Жене.
Это он
дал мне обильный материал
для книги

Часть первая ЛЕТАЮЩАЯ ГАЛОША

Глава первая
КОНТРАБАНДИСТЫ

По одной из улиц Перевалки — небольшого пригорода, расположенного за рекой, двое босых мальчишек в затертых до колен штанах, Юрка Гайворонский и Валерка Теренин, гикая и свистя, катили в сторону лесозавода тележку на велосипедном ходу. Легко толкая ее перед собой каждый за свою ручку, они то переходили на шаг, то разгонялись и отпускали тележку, и она, гремя расшатанными планками и оглобелками, мчалась вприпрыжку по неровной дороге и тыкалась куда попало, как слепая лошадь. Если же впереди из подворотни, привлеченная шумом, выскакивала собака, то мальчишки делали вид, будто испугались ее, смиренно умолкали и даже отъезжали чуть в сторону, затем с криком выписывали вдруг такой стремительный зигзаг к расхрабренной псине, что бедняга давилась своим лаем, врзалась головой в доски ворот, в страхе не находя лаза, и наконец о воем удирала вдоль забора. А мальчишки, насмеявшись, двигались дальше.

Улица эта тянулась вдоль речного меандра, изгибаясь под стать ему. Ближний к воде ряд домов, возникший недавно, имел маленькие дворы и огороды и местами прерывался, образуя травянистые поляны, где обычно после плавания отдыхали гуси и утки. Дальний же, с длинными, до соседней улицы, огородами, рассекался узкими переулками, которые обнаруживались только в самой близости, а издали разномастный забор казался сплошным. Дома стояли вразнобой, и всем хватало света и воздуха.

Возле моста, против дома Лукиных, которые в этом году расширили свой огород и оттеснили дорогу к самой воде, тележка, пущенная с разгона, вдруг налетела одним колесом на кирпич, подпрыгнула и, повернувшись, наискосок покатила к меандру, радостно дребезжа планками, точно давно ждала случая искупаться, потому что было очень жарко. И прежде чем мальчишки догнали ее, она с шумом, похожим на вздох облегчения, врезалась в камыши и по ступицу затонула.

Ребята вытянули ее и вдруг сами ощутили, как душно и жарко.

— Вот палит! — проговорил Валерка, глянув на небо. — Вот поливает!

— Слушай, Валерка, давай искупаемся, — предложил Юрка, дергая на животе майку для проветривания. — Все равно на лесозаводе сейчас обед. Давай. Вон и лодка.

Они поставили тележку боком, разделись, прыгнули в лодку без весел и, цепляясь за камышовые стебли, выбрались на глубину.

Весной, когда переполненная река, прорвав невысокие береговые дамбы, мутными потоками устремлялась на Перевалку, когда район оказывался в кольце воды и жителей с миром связывала лишь одна, тоже частично затопленная, железнодорожная линия, идущая от лесозавода к Новому городу, вот тогда сирота-меандр обновлял свою желтую, тухлую воду. Затем река опадала, и уже к середине лета вода в протоке опять застаивалась, зарастала камышом и подёргивалась ряской — озерцо гложло. И только в редких уширениях до самой осени блестяли голубые тарелки разводий.

Мальчишки, когда кончились камыши, руками выгребли на чистое место, куда еще ряска не успела дотянуться, и нырнули. Теплый слой так резко сменялся хо-

лодным, что тела их невольно изогнулись и выскочили на поверхность. Валерка успел глотнуть воды и, ухватившись за лодку, откашливался. Юрка шлепками обрушил на него водопад брызг. Валерка сперва загоразивался было рукой, потом поднырнул под лодку и укрылся по другую ее сторону. Прочистив горло, он неожиданно напал на Юрку, и завязался морской бой.

Устав, ребята опять забрались в лодку и разлеглись на дне, нюхая свои плечи и морщась: вода была уже не свежей.

— Скоро в море будем купаться. Там — во! — водичка, не то что в этой лоханке, — проговорил Юрка, глядя в небо. — На ГЭС всегда есть море... Аркаша вот-вот за нами придет... Борьба с природой. Современность... Увидишь порталный кран. И не будет нам никакого позора.

Аркадий был старшим братом Юрки. Он учился в строительном институте, бывал на многих стройках и часто подзадоривал мальчишек, спрашивая, готовы ли они к великим битвам и походам. Они были готовы ко всему, но ни битв, ни походов не было. Уезжая этим летом на практику, на строительство гидростанции неподалеку от их города, Аркадий журил ребят: мол, это позор — жить в тридцати километрах от большущей стройки и ни разу не побывать на ней; куда смотрят учителя — ведь нельзя же юные умы ограничивать мирком Перевалки, потому что Перевалка хоть и не затхлое, но болотце. Он обещал приехать за мальчишками и показать им борьбу человека с природой, чтобы они прониклись духом современности. Валерку, кроме того, очень заинтересовал порталный кран, потому что Валерка занимался выпиливанием и недавно купил чертежи этого крана.

С приглушенным свистом, делая разворот, над Перевалкой прошел ТУ-104, серебристый, похожий, особенно вдали, в легкой дымке, на чебака.

— В Толмачихинскую полетел, — проговорил Юрка, — Высоко. С него, наверное, и море видно.

— Море, море! А вот не пустит меня папка — вот и все море, — сказал Валерка.

— Отпустит.

— Ты плохо его знаешь. Ему что первое придет в голову, то он и сделает не рассуждая. Хорошо ли, плохо ли — все равно, сказал — все. Скорей бы в поездку отпра-

вился. Знаешь, как хорошо, когда его нет дома. Тихо, спокойно, как сейчас вот в этом озере.

Василий Егорович, Валеркин отец, работал проводником на поездах дальнего следования и постоянно был в продолжительных разъездах. Его домашние «остановки» длились не более четырех-пяти дней, и снова — колеса.

— Ничего, — сказал Юрка, — уговорим.

— А тут еще эти огурцы.

У Гайворонских и Терениных кто-то стал шарить по огуречным грядкам, причем не срывал огурцы начисто, а портил их — обгрызал. Взрослые ворчали на мальчишек — де, не можете уследить, а Валеркин отец, Василий Егорович, ругался по-настоящему и даже грозил ремнем. Но сколько ребята ни караулили, вор не попадался.

— Ничего, — сказал Юрка, — поймаем. Невидимок вон в книжках и то ловят. Надо как-нибудь с ночевкой в огороде остаться — и разбойник будет наш... Ну, нырнем еще по разу?

Обратно выгребали тоже на лодке, потому что добираться вплавь до берега было жутко — тина и невидимые водоросли бороздили по животу, цеплялись за руки и за ноги, и казалось, что под тобой копошится кто-то живой и мерзкий и вот-вот утянет на дно.

Одеваясь, Юрка кивнул на дом Лукиных:

— Барыги-то что-то не видно, гостит, наверное, где-нибудь у дедушки или у бабушки. — Юрка имел в виду Фомку Лукина, одноклассника.

— Наверное, — согласился Валерка.

Мальчишки выкатили тележку на дорогу и продолжили свой путь на лесозавод. Им нужно было штук десять ровненьких, гладеньких досточек для настольной игры «Хоккей». Эти досточки можно было достать только на лесозаводе, да и там их никому не давали и не продавали. Мальчишки попросту собирались украсть их. Эта мысль пришла в голову Юрке. И он сумел убедить осторожного Валерку, что в этом нет ничего страшного, нужно только хорошенько спрятать их, чтобы обмерщица не заметила.

На лесозаводской двор пропускали свободно. Ребята подогнали тележку к транспортеру, по которому нескончаемо выбрасывались из цеха отходы древесины. Валерка принялся накладывать обрезки горбыльков, а Юрка тотчас улизнул и скоро вернулся с первой партией кон-

трабанды. Он оглянулся, сунул досточки под ворох обрезков, сказал: «Тс-с!» — и снова скрылся. Так он сделал три «рейса».

— Двенадцать штук. Хватит?

— С ума сошел. Конечно, хватит. Даже лишнее. Вон виднеется.

— Это мы сейчас замаскируем.

Юрка взобрался по козлам на подмости, где был укреплен транспортер, и стал прямо на ходу снимать с ленты обрезки пошире и бросать их вниз.

Потом мальчишки надежно огородили похищенное, стянули ворох проволокой и двинулись к воротам.

Со двора выпускали группами. Когда ребята подкатили тележку к конторке, охранник закрывал ворота, очевидно только что пропустив очередную партию тележек.

— С полчаса ждать, — вздохнул Юрка. — Вот елки!

— Подождем. — Валерка осторожно присел на оглобельку.

— Вставай. Пошли побродим по скалам. Может, что-нибудь найдем. Говорят, тут разрубленные тросы валяются, — во! — на клетки. Пошли!

Лесозавод тянулся вдоль реки на целый километр, а может, и больше. Это была целая страна, с гигантскими штабелями бревен, вытянутых из воды, с многочисленными подъемниками, лебедками. Здесь можно было скитаться часами, в непрерывном удивлении, не закрывая рта. Здесь можно было заблудиться и ходить кругами, как в лесу.

Мальчишки наблюдали, как перехваченные бонами бревна выволакивали на берег и по следам затачивали на вершину штабеля. Иногда стропы со свистом соскальзывали с мокрых стволов и бревна тяжело плюхались обратно в воду.

— Знаешь, где могут быть тросы? — сказал Юрка. — У линии, где вагоны стоят. Там их отрубают и выбрасывают.

Линия проходила в конце территории. Там стояли платформы, на которые рабочие вручную грузили деревянные ящики — тару для какой-то фабрики. Ребята прошли вдоль пути. Обрубленные тросы нигде не валялись, не валялись даже целые, от которых можно было бы отрубить.

— Бедно, — сказал Валерка.

Юрка пролез под вагоном на ту сторону. У линии, почти касаясь вагонов, виселось несколько кособоких клеток, сложенных из старых шпал. Некогда ядреные, пропитанные мазутом, теперь они, растрескавшиеся от костылей и изношенные, выглядели серо и печально. Юрка взобрался на одну из клеток, оглядел густую высокую крапиву, которая тянулась до самого забора, и вдруг воскликнул:

— Качалка! Валерка, качалка!

— Где?

— В крапиве!

Валерка тоже нырнул под вагон. Действительно, за шпалами, в крапиве, стояла вагонетка. Это была та самая, прозванная качалкой, вагонетка с рычагом и коленчатым валом, которую каждую весну в половодье пригоняли на железнодорожную насыпь, к месту затопления. На ней переваловцы переправлялись на Большую землю — в Новый город. Мальчишки потому так обрадовались ей, что в этом году качалка не появлялась на насыпи. Ее ждали десятки людей, проглядели все глаза, но не дождались. Отсутствием переправы воспользовался Фомка Лукин. Он с сестрой принес несколько пар резиновых сапог и принялся за деньги сдавать их напрокат. Люди вынуждены были раскошелиться, и монеты со звоном так и сыпались в Фомкин карман... И вот вагонетка нашлась.

Бросив подвернувшуюся под руки доску, чтобы не ужалиться, мальчишки пробрались к качалке. На ней плотно осела сажа, пыль и всякий мусор — видно было, что она зимовала под снегом. Вероятно, вагонетка мешала работе, ее сняли с линии да так и забыли.

— Вот ты где, — проговорил Юрка, смахивая с сиденья сор и пошатывая стойки — не сломано ли чего. — Целая. А мы уже думали — крышка... Лезь сюда, Валерк!

Они ухватились за неподвижный рычаг и, блаженно раскачиваясь, представили, что мчатся через затопленную седловину насыпи, а вокруг бурлит вода. Юрка даже зафырчал, хотя качалка не имела мотора. Затем мальчишки вспомнили некоторые подробности последнего наводнения и в который уже раз пришли к выводу, что Фомка — жулик, раз у него хватило совести так обирать людей.

Про досточки Юрка вспомнил неожиданно, и они побежали к воротам.

Тележек набралось много: и с опилками в мешках, и с дранкой, и со всякими обрезками. Тут же стояли машина и телега. Машину нагрузили толстыми чурками, телегу — крепкими и длинными горбылями. Чурки и горбыли были в несколько раз дороже прочих материалов. Вышла женщина, с метром под мышкой, оглядела собравшихся и подошла к возу.

— Чей?

— Мой, — ответил небритый мужчина.

Обмерщица покачала воз руками, смерила длину, всмотрелась в неровный торец воза; потом, вертя головой, всмотрелась внимательнее и спросила:

— Что это у тебя под горбыльками-то белеет?

— Чему там белеть? Горбыльки и белеют.

— А?

— Да горбыли, говорю.

— Горбыли? А ну-ка, развяжи возок, посмотрим.

— Зачем же развязывать? И так видно.

— Развяжи, развяжи, — спокойно потребовала обмерщица. — Знаем мы ваше «видно».

— Ты давай не финти! — рассердился мужчина. — Ишь, «развяжи»! Я два часа клал да улаживал, а ей тут развяжи. Глядите, какая!

— Слушай, гражданин, я тут при деле. И я подозреваю. Развязывай! А то кончу обмер и никого не выпущу! — грозно заявила женщина.

Возчик растерялся. Часто видели ребята, как вот так же люди терялись. Спорят-спорят между собой, потом вдруг один скажет: «Ты что хочешь, чтобы из-за тебя другие пострадали?» — и человек теряется. Конечно, он не хочет, чтобы из-за него другие страдали, и поэтому уступает. Но мужчина не уступил.

— Эй, друг, развязывай-ка, раз требуют. Не валяй дурака! — гаркнул шофер, выглядывая из кабины.

— Не ломайся! — прикрикнула одна из женщин.

Народ недовольно зашумел. Возчик плюнул и дернул конец веревки. Горбыли расползлись. Под горбылями оказалось пять плах.

— Ну, и что мне с тобой делать? — спросила обмерщица при общем молчании.

— Это не я клал, — сказал возчик. — Это баба вот эта. Я просто взялся подвезти.

Все обернулись к женщине, на которую он кивнул. У нее было широкое, точно за щеки растянутое лицо с мя-

систым носом и с такими же мясистыми губами и подбородком. Лицо это блестело, лоснилось и казалось смазанным маслом, не чистым, а с примесью угля. Мальчишки знали ее. Это была мать их одноклассницы, Кати Поршенниковой. Часто встречая ее на остановках электрички, на той и этой стороне реки, всегда нагруженную какими-то сетками, свертками, кулками, ребята беспричинно косились на нее и почему-то чувствовали к ней неприязнь.

— А что? — не моргнув глазом, выпалила широколицая. — Я заплачу. Я поклала, я и заплачу.

— А почему вы не сверху их положили, а вниз сунули?

— Не все одно, где им лежать?

— Вы хотели украсть плахи! — заявила обмерщица. — И вам придется ответить... И вот человека подвели, — кивнула она на возчика. (Из конторки на шум вышли хозяева тележек и охранники.) — Штрафовать будем. Пройдите... Дядя Илья, составьте акт.

— Вы не имеете права! — закричала Поршенникова. — Я советская гражданка! Советская власть не на то дадена, чтоб простых людей штрафовать...

Ее провели в конторку. Обмерщица вздохнула облегченно и сказала:

— Вот ведь какие паразиты есть, а! И еще советскую власть упоминает, чтоб у нее язык отсох. Ей ли о советской власти говорить?

— Ладно, подружка, успокойся, — сказал шофер. — Обмерь-ка меня.

— Как же «ладно», когда я вас всех теперь подозреваю.

— А коли подозреваешь, так проверяй подряд.

Ворча, обмерщица быстро обошла всех, осмотрела тележки. Перед ребятами она остановилась.

— Не многовато ли наложили?

— Нет, — сказал Юрка.

— Смотрите, надорветесь... А может, под рейками-то припрятали что-нибудь, а? — спросила она вдруг.

У Валерки подсеклись ноги. Но Юрка храбро ответил:

— Что вы!

— То-то. Идите оплачивайте.

Когда лесозаводской двор остался позади, Валерка проговорил:

— Ну, чтоб я еще раз с тобой поехал! Чтоб еще раз!..

— Это из-за Поршенничихи, — оправдывался Юрка. —

Если б не она, ничего бы не случилось. Черт ее поднес со своими досками. Воровка!

— А мы что, не воры?

— Мы? Мы досточки маленькие взяли, а там — плахи. Досточки по сравнению с плахами это ноль без палочки. Плахи стоят тридцать рублей куб, а досточки — пустяк.

— Дело не в деньгах. — Валерка поморщился.

— А в чем? Если бы дело было не в деньгах, то Фомка бесплатно отдавал бы сапоги, чтобы перебираться через воду, а он платы требовал. Вот тебе и не в деньгах.

— В том случае — да, в этом — нет, — сказал настойчиво Валерка. — Стащили? Стащили!.. И нечего.

— Ну ладно. Пронесло. — Юрка вздохнул.

В нем вдруг возникло какое-то муторное чувство при мысли, что обмерщица и их могла бы раскрыть так же, как и Поршенникову, перед всеми людьми и могла бы так же показать на них пальцем и сказать: «Вы хотели украсть!..»

Юрка некоторое время молчал, проклиная Поршенникову, потом зло заметил:

— Говорят, она барышничает на базаре.

— И, по-моему, Катюку бьет, — сказал Валерка.

— Конечно, бьет. Не зря же она такая худая и учится так плохо.

За небольшим спуском перед мостом был поворот. Мальчишки ринулись под уклон и так резко повернули тележку, что она чуть не опрокинулась и не сбила девочку, которая успела прижаться к забору. Однако осью зацепило ей платье и вырвало клоч у подола.

— Катюка! — воскликнул испуганно Юрка, спешно притормаживая и опуская оглобельки на землю. — Ты чего под колеса суешься.

Они с Валеркой подошли к девочке.

— Разве можно под колеса соваться? А если бы мы были машиной? Лепешка бы от тебя осталась.

Катя потихоньку отслонилась от забора и оглядела порванный подол. Это была маленькая, худая девочка с нерасчесанными волосами, которые скатались в какие-то сосульки, как на овце. Катя то и дело сдвигала их с лица. Глядя на нее, никак нельзя было подумать, что она вообще учится в школе, тем более в третьем классе, что

она имеет какое-то отношение к книгам, к чистым тетрадям.

Юрка, не уважавший людей тихих и вялых, не уважал и Катю и порой называл ее не Поршениковой, а Паршивенькой, но теперь, чувствуя свою вину и видя порванное платье, он совсем забыл об этом отношении к ней и растерянно смотрел на девочку.

— Коленку не царапнуло?

Катя приподняла платье. Коленка не пострадала.

— Тогда еще ничего. Подол можно зашить... А ты куда топаешь?

— На лесозавод.

— Не ходи. Там твою мать сцапали — хотела плахи украсть, — быстро заговорил Юрка. — Ее штрафовать будут. Не ходи.

— Она велела, — тихо сказала девочка, совершенно не обратив внимания на Юркино сообщение.

— Дура! — разозлился Юрка. — Тебе ведь стыдно будет. Катя не поднимала глаз.

— Смотри, Валерка! Идти хочет, позориться...

— Ну, раз мать велела, — проговорил Валерка, — пусть идет. Необязательно во двор входить, можно около подождать.

— Ну, пусть идет.

Девочка посмотрела на мальчишек и медленно пошла, сперва пятясь, потом повернувшись и глядя себе под ноги.

— Тюха, — сказал Юрка негромко. Он уже опять не уважал ее, он даже сплюнул. — Как вареная какая-то.

— Ей вот за платье влетит от матери, я уж чувствую. Мы порвали, а ей влетит.

— Ну и пусть влетит, не будет... тюхой... И эти еще понаставили заборов, елки, — проворчал Юрка по адресу Лукиных, подхватывая оглобельки.

Валерка подтолкнул сзади, и тележка покатила.

До самого дома ребята молчали.

Во дворе Терениных бродили куры. Им чего-то не хватало в еде, каких-то веществ, и они выклевывали друг у друга перья, оголяя шеи и зады. Петуху досталось больше всех. Вместо пышного хвоста, этой петушиной красы и гордости, высилось одно грязное перо, да и за тем куры охотились и, кажется, уже не раз хватали его, поэтому оно торчало как-то вбок. Шея петуха была обчищена до зоба. Красный гребень увенчивала красная

большая бородавка. Может быть, это была не настоящая бородавка, а просто недооткушенный курами клочок гребешка, но она так своеобразно дополняла петушиную внешность, что делала его похожим бог знает на кого, только не на петуха. Скорее на лилипута-страуса, если существование такого вообразить на белом свете, а вернее всего — на чудище заморское.

И он дрался. Такая образина не могла не драться. Как и где он озлобился на людей, неизвестно, но, завидев постороннего, петух храбро кидался в бой. В первой же стычке Юрка прозвал его Мистером Бородавкин. Прозвище неожиданно закрепилось, правда, без второй части — просто Мистер. После трех-четырех потасовок петух примирился с мальчишкой, пораженный, видимо, его упрямыми посещениями. Сейчас Мистер считал Юрку вполне своим.

Разгрузив тележку, ребята принялись доделывать «Хоккей».

За ними наблюдал Тузик, теренинский пес. Раньше он был такой лохматый, что каждое лето страдал от жары, а нынче Василий Егорович, полагая, что шерсть к зиме отрастет, остриг его в конце весны под пуделя. Куры долго кудахтали, не понимая столь разительного превращения, да и мальчишки насмеялись вволю. Но Тузик зато теперь блаженствовал.

Этому дню, очевидно, суждено было выделиться из других дней, так как, кроме того, что ребята украли досточки, нашли качалку и были свидетелями неприятного случая на лесозаводе, в этот день произошло еще одно событие.

Глава вторая

КОТ ВАРФОЛОМЕЙ

Домой Юрка прошел огородами. Перелезая через изгородь, разделяющую участки Терениных и Гайворонских, он увидел, что из огуречной грядки выпрыгнул кто-то небольшой, пепельного цвета. Мальчишка узнал своего кота Варфика. «Что же ему надо на грядках? Уж не он ли тот самый неуловимый пожиратель огурцов?» — с улыбкой подумал Юрка и на всякий случай обследовал место, откуда Варфоломей метнулся. К свое-

му удивлению, он нашел огрызок. Свежий. Юрка пристынул и позвал Валерку.

— Видишь? — Юрка показал огрызок и высказал свои подозрения.

— Но, — удивился Валерка, — разве кошки едят огурцы?

— А кто их знает, едят или нет... Но, если Варфик ест, ему трубка. Папка его ненавидит. Он его сразу повесит.

Дома Юрка поймал кота и тайком от матери понюхал его рот. Огурцами пахло. Мальчишка в сердцах щелкнул кота по лбу, затащил на чердак и отлупил.

— Дурачина, тебя же повесят! Понимаешь? Повесят! За шею. Вот так... Вздернут, и будешь болтаться, как этот... — Кот сжался в комок. — Ты думаешь, мне жалко тебя? Нисколечко. Вот ни капельки! Пусть вешают. Но ведь ты должен соображать...

Варфик прибред к Гайворонским этой зимой, где-то в январе. Он ввалился в дверь вместе с клубами морозного воздуха, весь пепельный, точно само облако вдруг образовало его на пороге и толкнуло в избу. Петр Иванович хотел его вышвырнуть, сказав, что им достаточно одной Мурки, но Юрка и Василиса Андреевна воспротивились, и кот остался. Его назвали Варфоломеем.

Варфик ловил мышей и у Терениных и у Гайворонских — был вроде слуги двух господ. Ребята любили кота. Было в Варфике что-то такое, что моментально рождало уважение к нему: не то отсутствие обычной кошачьей нежности и ласковости, не то особый прищур глаз, таивший хитрость, не то еще что-то. Даже Тузик, пес Терениных, при первом появлении Варфика в их дворе не залаял, а наострил уши и с радостно-глупым видом стал перебирать лапами, точно встретил друга.

Варфик гулял все ночи, а утрами возвращался с животом, провисающим до пола. Он важно проходил в горницу и безмолвно растягивался в проходе между ящиком и круглым столом. Мурка принималась радостно бегать вокруг по кольцу: комод — кровать — ящик — шифоньер. Изредка она боком, воинственно подлетала к Варфику и лапой трогала его за бок. Кот ворчал, не открывая глаз, и дергал кончиком хвоста. Мурка отпрыгивала. Она боялась не столько ворчания, сколько этого подергивания кончика хвоста. Кот лежал до обеда, перевернувшись на спину и аккуратно подогнув лапки.

Гайворонские ходили, перешагивали через Варфика, не смея тревожить его кошачье величество. Юрка с Василисой Андреевной подозревали, что кот где-то разбойничает: от одних мышей живот так не раздуется, уж не столько их, чтобы каждую ночь набивать Варфоломееву утробу. Весной Варфик стащил кусок колбасы — закуску Петра Ивановича. Петр Иванович выпил и без закуски, но кота велел выбросить. «Иначе сам повешу этого прощелыгу!» Насилу Юрка отговорил отца.

Все это разом припомнилось мальчишке.

— Что же ты делаешь, а?... И Валерку вон отец ругает за огурцы, и меня ругают, а ты жрешь себе? Придет-ся тебя, как Тузика, на цепь сажать.

Утром Василиса Андреевна торопливо разбудила сына:

— Юрочка, отец Варфика поймал. Слышишь?

Мальчишка еще путал сон и явь, но имя Варфика тотчас развеяло туманный бред. Он вскочил.

Петр Иванович сидел на крыльце и кормил Варфика огурцами, нарезаая их пластинками. Кот ел добросовестно, не понимая, какой роковой экзамен ему устроен.

— Наелся, шельма? — ласково спросил Петр Иванович. — Ну вот, теперь ясно, почему ты шляешься по огородам... Юрка, вон кирпич, а вон веревка. Берика этого проходимца да ступай на озеро... Шевелись-шевелись, да поживей! Хватит с ним чикаться.

Юрка знал, что теперь уже не помогут никакие просьбы и никакие уговоры. Он вяло постучал в окно и позвал Валерку. Увидев на крыльце облизывающегося Варфика и глянув на Юркину физиономию, Валерка моментально понял, в чем дело. Юрка взял на руки кота, Валерка — кирпич и веревку, и они вышли на улицу.

Некоторое время шли молча, потом Валерка сказал:

— Давай его отпустим.

— Конечно, отпустим. Неужели топить будем. Только он ведь прибежит обратно.

Ребята пробрались на берег меандра за соседние дома, сели на траву и задумались.

Юрка вспомнил вчерашний мирный вечер. Отец вертел на мясорубке говядину, а Варфик сидел под столом и следил за каплями мясного сока, которые срывались с мясорубки и образовывали на полу лужицу. Кот слизывал эту лужицу и тряс головой, потому что капли в это время падали ему на затылок. Тут же, мяукая, верте-

лась Мурка, но кот не подпускал ее. Тогда Юрка окунул в лужицу хвост Варфика. И Мурка, подкравшись сзади на запах, с урчанием цапнула его. Кот взвыл и обрушил на бедняжку свою тяжелую лапу... Веселый был вечер. И что за дикость — лопать огурцы?

Рядом, за камышами, блестела широкая чистина. Какой-то мальчишка плыл на лодке за стайкой уток, чуть взмахивая веслами. Расстояние между ним и стайкой не менялось, и оттого казалось, что не гребец двигает лодку, а утки тянут ее на буксире. У камышей сновали утята, раздвигая ряску. Юрка представил, как эта ряска расступилась бы, пропустив Варфика, и вновь сомкнулась бы над ним. Вдулись бы и лопнули два-три пузыря — и все.

— Нет! — сказал он.

— Что — нет?

— Да так... Ты ничего не придумал?

Валерка пожал плечами.

Вдали возвышалась громадная насыпь, по которой то и дело пронеслись железнодорожные составы и, влетая на мост, рождали перекатистый гром. На насыпи оставались электрички и часто притормаживали товарняки, упираясь в красный свет светофора, и тогда платформы становились похожими на знаки тире, расставленные цепочкой, а весь состав напоминал змею, у которой головой был электровоз.

— Слушай, Валерка, давай посадим его в вагон, пусть едет. Может, где на станции его подберут.

— Давай.

Валерка бросил кирпич в камыш — в подарок лягушкам. И ребята отправились на остановку, где как раз сбавлял ход товарняк. Товарняки обычно долго не задерживались, поэтому мальчишки торопились. Но состав ожил скорее, чем они думали. Он, лязгнув буферами, сперва дал вспять, потом рванул вперед. И, пока ребята взбирались на насыпь, успел раскатиться.

— Елки! — сказал Юрка. — И не посадишь еще, переходов не видно.

— Не на рессору же.

— На рессору?.. А что, смотри, какие они широкие. На них человек может уместиться. Ну, садим?.. Эх, Варфик!

Юрка побежал рядом с вагоном, пригнулся и, изловчившись, сунул, почти кинул Варфика на рессору и тот-

час сам упал, запнувшись ногой о ногу. Тут же, вскочив, он догнал вагон и побежал около. Кот с конца рессоры перешел ближе к середине и удивленно смотрел вниз на мелькающие шпалы.

— Варфик! Варфик! — торопливо окликал Юрка, почувствовав вдруг невыносимую жалость к коту. — Варфик, прыгай! Прыгай!

Но кот следил за шпалами.

Гнаться за составом не было уже сил, но Юрка бежал и бежал как сумасшедший. Вагон начал опережать мальчишку и все больше отдалялся от него. На стрелке сильно мотнуло, кот качнулся и переступил.

Юрка, тяжело дыша, остановился. Он с ужасом понял, что не доехать Варфику до станции, скинет его где-нибудь на рельсы под колеса...

Мелькали мимо вагоны, спешили, толкались. А Юрка стоял, не шевелясь, пока не проскочил, резко оборвав ритм звуков, последний вагон. Пожилой кондуктор нехотя погрозил ему пальцем и тут же был наказан за этот необдуманный жест: Юрка неожиданно нагнулся, схватил горсть щебня и сильно швырнул в него. Старик присел за барьерчик, и камешки пулеметной очередью резанули по доскам. Что там кричал возмущенный кондуктор, размахивая руками, Юрка не слышал.

Заметив, что заскочил в запретную зону, за колючую проволоку, он повернулся и поспешил к Валерке. Они сошли с полотна и уселись возле бетонного башмака опоры электролинии.

Ребята молчали.

Внизу, на заливном лугу, близ насыпи, девчонка пасла корову. Мальчишки знали эту девчонку. Она жила неподалеку, была от рождения полоумной и всегда, если не пасла, сидела высоко на откосе или, косоглазо улыбаясь, бродила по перрону с длинной веревкой в руке, словно водила на поводу кого-то невидимого. Юрка вспомнил, как однажды он наступил на проползавший мимо него конец, веревка вырвалась из руки девчонки, и та принялась навзрыд плакать. Незнакомые женщины стыдили его минут десять, до прихода электрички... От девчонки Юрка повел взгляд через луг, через дома к реке и затем к городу. Синева неба над городом приглушалась дымом, который держался над ним огромной мрачноватой шапкой. А над Перевалкой не было никаких шапок — чисто. Мальчишка опять взглянул на девчонку и увидел, что

она, поднырнув под корову, припала к вымени — сосала молоко. Он дернул губами и подтолкнул Валерку. Тот и сам заметил эту странную картину, но ничего не сказал.

Пришла электричка. Мальчишки не обратили на нее внимания. И вдруг получили по крепкому щелчку.

— Аркаша! — Юрка вскочил. — Вот здорово! Ты на этой электричке? За нами? Вот это да! Почему ты не написал, мы бы тебя встретили?

— А разве вы не меня встречали?

Юрка покачал головой:

— Нет. Наоборот, мы провожали. Мы Варфика посадили на рессору. Папка велел утопить его, а мы вот...

Пока шли до дому, Юрка рассказал все о Варфике.

— Ну что ж, — проговорил Аркадий, — Варфик провинился перед обществом, и его пришлось изгнать из этого общества.

— Какое же это общество — два дома? — возразил Юрка.

— Два дома — это уже... Даже один — общество. А всех, кто не подчиняется законам общества, приходится изолировать. Варфик оказался преступником — его посадили на рессору. Ты провинисься — тебя посадят на рессору.

— Прямо на рессору!

— А куда же? Только этой рессоре придадут илой вид, ну хотя бы вид тюрьмы.

— О, тюрьмы!

— А что? Преступник — пожалуйста! Не хочешь жить по-человечески, живи по-крысиному...

Василиса Андреевна, обрадованная приездом Аркадия, не спросила даже о Варфике. Она взялась было замешивать тесто, чтобы напечь оладий, но Аркадий остановил ее, сказав, что это напрасные хлопоты, так как ча-са через два-три они должны уезжать — билеты на катер уже взяты.

Юрка распутывал старые лески, искал на чердаке, покрывку волейбольного мяча и ушивал Аркадьевы плавки, подгоняя их на свои тощие бедра. Валерка, боясь, что отец его не отпустит, попросил помощи у Аркадия. Тот пошел к Терениным и быстро обо всем договорился.

И вскоре все троеплыли на голубом катере вверх по течению — навстречу неизвестности.

Глава третья

ДРАГОЦЕННЫЕ ДАРЫ

Портальный кран стоял посередине двора на рельсах-рейках. С метр высотой, покрашенный охрой, с гордо задранной стрелой, к которой был подцеплен игрушечный самосвал. Тузик сперва лаял на это невиданное чудовище, потом начал нежно скулить и пытаться дотянуться лапами до рельсов. Мистер, найдя, очевидно, в очертаниях крана что-то петушиное, время от времени хлопал крыльями и кукарекал. То Валерка, то Юрка осторожно при помощи особых барабанчиков, сделанных из катушек, поворачивали башню, поднимали и опускали стрелку, катали кран по рейкам. Кран действовал безукоризненно.

— Вот елки, — сказал Юрка. — Здорово!

— Все-таки очень желто получилось, на настоящий не похож. Помнишь, какой цвет у настоящего?

— Помню. Такой сероватый, как у Варфика.

— Вот... А тут видишь какой.

— Сойдет. Важен не цвет, а вот что... — Юрка повернул башню. — Вот... Теперь подари его школе.

— Школе? — Когда Валерка улыбался, его нижняя губа сильно походила на сковородник.

— Ну да. Ведь мы обещали Галине Владимировне сделать игротеку и что-нибудь подарить школе. Но мы ничего не сделали. Теперь дари кран.

Юрка сказал это нарочно, чтобы разозлить Валерку, чтобы он начал спорить, но Валерка задумался.

— А что?.. Подарю.

— Подаришь?

— Подарю.

— Ну и дураком будешь. Такую штуку дарить. Делал-делал, и — дарить. А что тогда я подарю? — вдруг спросил он. — Ведь и я должен чего-то подарить. Я ведь не рыжий.

— А мы портальный подарим сразу за двоих. Скажем, что вместе делали.

— Нет, я так не хочу. Да и Галина Владимировна все равно не поверит, что я такой сделал, — сказал печально Юрка. — Лучше я ничего не подарю.

— «Хоккей!»! «Хоккей»-то мы забыли!

— «Хоккей»?.. Хм. Ты — порталный, а я — «Хоккей»? Ты — слона, а я — моську.

— Разве это моська? Сравнил.. Давай тогда так: ты подаришь порталный, а я «Хоккей».

— Посмотрим, — сказал Юрка.

К первому сентября было уже решено, что Юрка все же подарит «Хоккей». Утром ребята шли в школу и рассуждали, когда сделают выставку летних работ — сразу или через месяц, — кто еще что принесет и как на фоне всех поделок будут выглядеть их дары. Потом заговорили о том, кто из их одноклассников где мог побывать летом и кто из них мог увидеть больше и интереснее, чем они — Юрка с Валеркой.

Мальчишки шли скорым шагом, кого-то обгоняли, кто-то обгонял их, — и все махали руками, галдели, смеялись, стучали друг друга портфелями по спинам.

Галину Владимировну ребята увидели еще издали, не доходя до ограды школьного двора. В белой кофточке и черной юбке, она стояла там же, где собирались в прошлом году, у молодых тополей, и что-то говорила девочкам, крутившимся около нее, а пацаны толпились чуть в сторонке и боксировали. Когда Юрка с Валеркой подошли, учительница уже построила всех и тут же повела в новый класс, так что им пришлось на ходу пристроиться в хвосте, за Фомкой Лукиным. Фомка был в новой школьной форме, которую все одергивал, расправлял, но она так и стояла торчком.

Юрка ткнул его кулаком в спину и сказал:

— Не вихляйся.

Фомка замахнулся сумкой, но увидел, что это Юрка, опустил руку, побежал вперед и затесался среди девочек, перед Катей Поршениковой.

Хотя класс был новым, парт в нем было столько же и стояли они так же, как и там, в старом классе, поэтому все без путаницы расселись по прежним местам. Валерка сидел в среднем ряду на первой парте, возле учительского стола, а Юрка — на второй парте, сразу за спиной Валерки.

Галина Владимировна попросила выложить учебники на края парт и пошла вдоль рядов проверять. Против Поршениковой она остановилась.

— Катя, а где твои книжки?

Девочка медленно поднялась.

— Нету.

— Вообще нет или дома забыла?

— Вообще нету.

— Почему?

— Мама сказала, что вы сами должны дать книжки. Учительница на какой-то миг задумалась.

— Хорошо... Садись.

Галина Владимировна велела убрать книги в парты.

— Ну что ж, ребята, вот мы и начинаем новый учебный год. За лето вы окрепли, подросли — это я вижу. Я надеюсь, что вы соответственно поумнели — это я проверю. Вы теперь третьеклассники. А что же такое третий класс? — Она выжидательно оглядела притихших ребят, затем прошла к окну, шире отворила форточку и вернулась к столу.

Учительница медлила, казалось, потому, что или хотела услышать мнение самих ребят, или давала им возможность несколько поразмышлять, прежде чем она выскажется, а может быть, она медлила еще и потому, что свои мысли желала изложить не первыми попавшимися словами, а красиво, стройно, необычно.

Галина Владимировна как-то резковато подняла голову. Все поняли, что сейчас она заговорит.

Юрке понравилось, что учение Галина Владимировна сравнила с путешествием, трудным, но интересным. Правда, это сравнение он и прежде где-то слышал, но в применении к себе оно вдруг обернулось неожиданной яркостью. Он вспомнил путешествие на гидростанцию, вспомнил, как они втроем шагали по толстой трубе пульпопровода, в которой шуршали влекомые водой песок и галька. Аркадий время от времени вставал на руки и шел по трубе на руках, затем резко отталкивался, вскакивал снова на ноги и тут же крутил сальто-мортале в сторону, на песок. Юрка, видя, с какой легкостью брат проделывает эти трюки, сам вдруг в каком-то безрассудном порыве подпрыгнул с кувырком, ударился головой о трубу и свалился, охая и ахая.

Юрка спохватился, что Галина Владимировна говорит о пионерах, о том, что в этом году все ученики станут членами великой армии ленинцев. И Юрке почему-то сразу представилась пустыня, через которую маршем движутся бесконечные колонны мальчишек и девочек с красными галстуками на груди. Они идут и идут со знаменами и горнами и поют что-то боевое на всю пусты-

ню, и от этого пустыня не то что уменьшается, а перестает быть похожей на мертвую и бесплодную...

— Гайворонский!

— А?

— Я о тебе говорю.

— Что?

— Слушай. Хватит в облаках летать... Так вот, я надеюсь, что Гайворонский крепче подружит с арифметикой, а Лукин — с письмом. Я надеюсь, что Медведев не будет оправдывать свою фамилию — не будет ходить косматым, и что Катя Поршенникова будет следить за своим фартуком и, конечно, будет лучше учиться.

Юрка подумал, что насчет дружбы с арифметикой Галина Владимировна совершенно права. И как это Фомка умудряется получать по арифметике неизменные пятерки? Такой противный тип — и вдруг пятерки. Поскольку это не поддавалось объяснению, то Юрка бросил думать об этом.

Учительница между тем поздравила ребят еще раз с началом учебного года и сказала:

— А теперь поговорим о лете.

Класс зашумел. Всем хотелось поговорить о лете. Фомка Лукин вскочил первым и сказал, что ездил с матерью в деревню и собирал ягоду.

— А ты что-нибудь привез из деревни? — спросила Галина Владимировна.

— А чего?

— В деревне можно много найти: цветов засушить, ежа поймать, белку, змею.

— Змею?

— Да. Я вот росла в деревне, и мы всегда ловили змей. Я и нынче была дома, так мы вот такого ужа поймали.

— Ужа?

— Мы даже медвежат, помню, ловили. Медведицу взрослые убили, а медвежат мы поймали. У нас в школе в живом уголке и зайцы были, и бурундуки, и черепахи.

— Нет, — сказал Фомка, — я змей боюсь. А медведя мы не встречали. Но все равно было некогда. Мы с мамкой все ягоду рвали.

— Для продажи? — громко спросил Юрка, оборачиваясь.

Фомка на какой-то миг смутился, потом зло ответил:

— Не твое дело!

— А-а, боишься!.. А ты расскажи, как весной сапогами торговал! — крикнул Юрка.

— Гайворонский! Ты что это? Кто тебе позволил говорить?.. Садись, Лукин.

Но Фомка сел уже без разрешения и что-то сбивчиво разяснял своему соседу. Юрка, склонив голову, думал о том, что Галина Владимировна ничего не знает про сапоги и что, без сомнения, Фомка торговал ягодой.

Еще до того весеннего происшествия, почти с первых дней знакомства, Гайворонский и Лукин не ладили между собой. Что-то им не нравилось друг в друге совершенно, но что именно — они не понимали и поэтому вздорили безо всяких, казалось бы, видимых причин. Теперь же Юрка просто ненавидел Фомку и готов был приписывать ему любые подходящие к случаю неблагоприятные дела.

Между тем Неля Баева рассказывала про пионерский лагерь. Потом Вовка Медведев описывал горы на Алтае. Потом выступали еще и еще. Юрка некоторое время был хмурым, затем поднял голову и стал настороженно обращаться к тому, кто брал слово, — уж не слишком ли интересное тот расскажет. Но нет, нет. Мальчишка чувствовал, что их с Валеркой путешествие не сравнимо ни с чем. Он внутренне ликовал и после каждого выступления все порывался вскочить и поведать свою историю, но сдерживался, тянул, сам не зная почему.

— Ну, а ты, Катя, где-нибудь была летом? — спросила учительница.

Поршенникова медленно поднялась и покачала головой, глядя в пол, затем посмотрела на Галину Владимировну, быстро ответила взгляд и проговорила:

— Я дома была.

— Садись, Катя.

Юрка наконец не выдержал:

— А мы с Валеркой на строительство ГЭС ездили. Мы там пробыли шесть дней.

— С кем? С братом? — спросила Галина Владимировна.

Она заходила несколько раз к Гайворонским и хотя не видела Аркадия, но знала, что он — студент строительного института.

— С братом, — ответил Юрка. — Он там был на практике и нас взял с собой. Мы там все облазили. Нижний бьеф, верхний бьеф, машинный зал, направляющие лопатки.

У Аркадия везде знакомые, нас везде пропускали. Даже на порталный кран забирались. Туда посторонним запрещено, а мы забирались...

И Юрка рассказал, что с этой страшной высоты было видно все: и море, которое постепенно скапливалось перед плотиной, и здания, где будут работать турбины, и потоки, бушевавшие на водосливе, где постоянно парил туман и висели исчезающие, будто прибитые радуги, и бетонный завод, покрытый серой пылью цемента, и лес вдалеке, за которым лежал поселок гидростроителей. Юрка рассказывал, как они втроем ходили по трубам пульпопровода к земснаряду, а оттуда — к шлюзам. Юрка понимал сам, что все невозможно рассказать, поэтому он замолчал, даже не кончил мысли и, передохнув, вдруг проговорил:

— Валерка выпилил порталный кран вот такой вышины... Как настоящий. На выставку. Как будет выставка, так мы сразу принесем. Желтый, со стрелой.

— Несите завтра же, — проговорила Галина Владимировна. — Прямо с завтрашнего дня начнем собирать экспонаты. Завтра же!.. Все, все слушайте! Кто что сделал за лето, как мы договаривались, приносите... А у вас, Юра, чудесная была поездка, прямо завидно!

— А давайте сделаем экскурсию на строительство, — вдруг сказал Юрка. — Всем классом. ГЭС ведь близко. Сядем на катер — и там. Борьба с природой, современность... Перевалка хоть не затхлое, но болотце. Давайте!

— Болотце? — спросила Галина Владимировна. — Кто же тебе сказал так про Перевалку, что она — болото?

— Не болото, а болотце.

— Ну хотя бы болотце?

— Брат, — признался Юрка, несколько удивленный серьезным и даже сердитым тоном учительницы.

— Передайте, Юра, своему брату, чтобы он выражался осторожнее.

— Как осторожнее? — спросил Юрка.

— Он поймет... Садись. А о борьбе с природой и о современности ты, Юра, совершенно прав. Мы обязательно сделаем экскурсию... А теперь давайте заниматься.

Юрка размышлял, почему Галине Владимировне не понравилась фраза о болоте. Это такая звучная и красивая фраза, прямо как из книжки. Разве нет на Перевалке болот? Не настоящих, но все равно с протухшей водой, с камышом, с лягушками. Лягушки вечерами квакают.

Особенно когда луна светит, — квакают во все горло... Говорят, у одних трехлетний мальчишка ест лягушат. Насылет в карман соли и промышляет возле берега. Поймает лягушонка, насылет солью и — в рот, живого. Мать, рассказывают, и лупит его, и врачей вызывает, а он не унимается, плачет и говорит: «Все равно буду есть лягушек — они приятно шевелятся в брюхе»... Это, конечно, враки, однако Юрка передернул плечами, представив проглоченную лягушку.

Галина Владимировна читала рассказ Толстого. Юрка любил уроки родной речи, когда не нужно было ничего писать, не нужно было ни за чем следить. Сиди, слушай или размышляй, о чем хочешь.

Над доской висел портрет Ленина, а ниже, на красной материи, — его слова об учении. В простенках — плакат с тремя улыбающимися спутниками и Пушкин. У Валерки тоже есть Пушкин, только поменьше. Валерка сам выпилил ему резную рамку...

«Если бы я был маляр, — думал Юрка, — я бы покрасил стены в другой цвет, в светло-красный... Нет, в светло-зеленый, чтобы как в лесу было, красиво... Или лучше в светло-голубой, как будто в воде, на дне морском». И тут Юрка спохватывается, что стены покрашены именно в светло-голубой. Не смущаясь, он фантазирует дальше. «Если бы я был плотником, я бы сделал не такой шкаф, а пониже, чтобы можно было достать до самой верхней полки, и в каждом отделении сделал бы дверку. И расширил бы шкаф, чтобы порталный кран мог свободно ездить по нему... Если бы я был ученым, я бы сделал спутники не такими...» Мальчишка сосредоточил все свое воображение на спутниках, но ничего не придумал. Спутники должны быть именно такими, круглыми или в виде пули, с рогульками.

Портальный кран мальчишки на следующий день не принесли. Юрка уговорил друга не спешить: пока тянется вся эта волюнка со сборами, кран примелькается, и к открытию будет уже не то впечатление. Действительно, со сборами экспонатов проканителиться, и выставку оформили только через неделю.

Портальный кран произвел в классе настоящий фурор. Его поставили на шкаф, точно на плотину. Так и казалось, что сейчас он самостоятельно двинет стрелой и покатится, и откуда-нибудь хлынет вода, чтобы дополнить картину. А возле шкафа на столе и на подоконни-

как разложили другие изделия. Фомка притащил копилку деревянную. Она красовалась среди пластилиновых человечков на столе.

Кто-то оповестил учителей о выставке. Те пришли гурьбой, знакомые ребятам и незнакомые, и стали разглядывать экспонаты. Один лысый и в очках сказал, показывая на порталный:

— А знаете, поразительно! Я был на строительстве, видел. Копия! Где этот вундеркинд?

Никто не показал на Валерку, очевидно, из робости перед учителями, но сам Валерка, стоя в отдалении, закусил нижнюю губу и покраснел.

Когда все чужие разошлись, Галина Владимировна сказала:

— Простите, ребята, но я не ожидала такого результата. Как все здорово!..

После уроков ребята еще с полчаса торчали в классе.

— Неправда, что все хорошие, — проговорил Юрка, когда они с Валеркой вышли наконец в коридор. — Есть ерундовые.

— Конечно, есть.

— Например, пластилиновый гриб — чепуха. Я за вечер могу десять таких мухоморов слепить.

— Ну, уж не десять, — усомнился Валерка.

— А что? Хватить — пенек, хватить — шляпа, хватить — шляпа на пенке, и гриб готов. Только сверху вдавить еще красненькие веснушки — и будет мухомор.

— Я не пробовал из пластилина делать, не знаю, как это.

— Или Фомкина копилка. Фу-у! Я таких тысячу штук за вечер сколочу. Раз — гвоздь! Два — гвоздь!

— А ты заметил, что гвоздей в ней нету?

— Ну, клеим.

— И клея не видно.

— А что же там?

— Там как-то хитро устроено, как-то собрано.

— Все равно! Кто же копилку на выставку тащит? Вот порталный — это штука! Пусть вот Фомка попробует сделать порталный или «Хоккей»! А то — копилку!

Валерка хотел возразить, что «Хоккей» да и порталный не так уж сложно делать, но тут мимо проходил Фомка. И Юрка, придерживав его, нарочито таинственно спросил:

— Почем ягода? Беру тыщу стаканов.

Лукин отпрыгнул и ответил:

— Штанов не хватит!

— Фомилка-копилка!

— А ты — нижний бьеф!

— Помолчи, барыга!

Выскочив на улицу, Фомка крикнул:

Гайворон
ловил ворон.
Гайворон
ловил ворон.

— Противоза! — пророчал Юрка. — Вот пойдем на экскурсию, я его сброшу вниз, в самую эту, где клокочет.

Валерка улыбнулся — его никто никогда не обзывал.

Впереди шла Катя Поршефникова. Она жила дальше всех от школы — почти у насыпи. Юрка предложил догнать ее, не зная зачем. Но, когда догнали, вопрос вдруг высочил сам:

— Ты чего это в субботу не была?

Катя, замедлив шаги, хотела отстать от ребят, но они тоже сбавили ход. Тогда она ответила:

— На укол ходила.

— Ну и что? Не миллион же уколов, чик — и готово.

В руку или под лопатку?

— И не в руку, и не под лопатку.

— А куда?

Катя опустила глаза.

— А-а, — сказал Юрка. — Так бы сразу и сказала, что сидеть нельзя.

— Теперь каждую субботу — на укол.

— Противная штука, — заметил Валерка.

— Болеешь, значит. А что у тебя: воспаление сапога или разрыв портянки?

Девочка промолчала и еще замедлила шаг.

— Ладно, — сказал Юрка. — Пошли. Пусть пропускает занятия — ей же хуже. Вот останется на второй год — узнает. Конечно, заболлеешь, если будешь такой тухлой..

Сквозь мальчишескую резкость и непримиримость пробивалась жалость, но так смутно, так робко, что Юрка и не осознал этого.